

RU

От творения к творцу: роль органологии в критической рефлексии философа сознания

Мусс А. И., Мараев В. Н.

Аннотация. Цель исследования – представить подход к изучению сознания с точки зрения философской антропологии. Взгляд на сознание как на сложный объект возникает только с середины XX века, вместе с появлением нейрокогнитивной науки, что в настоящее время не исчерпывает возможностей философской концептуализации. Основой нового подхода может стать философская антропология, причем за основу можно взять органологию – область знания, изучающую музыкальные инструменты как сложные объекты. Научная новизна исследования заключается в том, что опыт философского постижения человека и создаваемых им предметов экстраполируется на сознание как одно из ключевых свойств человека, что позволяет выйти за пределы сложившихся эвристик к рассмотрению сознания. В результате было показано, что опыт органологии позволяет рассматривать сознание как сложную систему, подходы к которой не всегда могут быть совместимы, а также изучать эти подходы в их исторической ретроспективе.

EN

From creation to creator: the role of organology in the critical reflection of a philosopher of consciousness

A. I. Muss, V. N. Maraev

Abstract. The research aim is to present an approach to the study of consciousness from the perspective of philosophical anthropology. The article reveals that the view of consciousness as a complex object emerged only in the mid-20th century, with the advent of neurocognitive science, which currently does not exhaust the possibilities of philosophical conceptualization. Philosophical anthropology could serve as the foundation for this new approach, drawing on organology – a field of knowledge that studies musical instruments as complex objects. The scientific novelty of this study lies in its extrapolation of philosophical understanding of humans and the objects they create to consciousness as one of the key human properties, allowing us to move beyond established heuristics in our examination of consciousness. As a result, the experience of organology considers consciousness as a complex system described in the discrepancy of discourses. But this discrepancy could be overwhelmed by studying its historical origins and development.

Введение

Актуальность данного исследования обосновывается чрезвычайной распространенностью в настоящее время исследований (Анохин, 2021; Аллахвердов, 2021; Сет, 2023; Франкиш, Горбачев, 2025a; 2025b; Baars, 2005; Chalmers, 1996; Crick, Koch, 1990; Tononi, 2015) в рамках различных отраслей нейрокогнитивной науки, посвященных разработке проблемы сознания. При этом подобный подход оказывается зачастую ограничен исключительно естественнонаучным взглядом на проблему и в философском смысле, скорее, является апологией актуальных открытий, а не поиском нового знания (Мусс, 2024).

По этой причине для создания возможных альтернативных подходов к изучению сознания, а также исходя из поставленной цели, данное исследование предполагает решение следующих задач:

- 1) изучить специфику рассмотрения сознания как простого и сложного объекта исследования;
- 2) проанализировать специфику изучения сложных объектов в философской антропологии на примере музыкальных инструментов.

Ключевыми методами исследования являются анализ и синтез с опорой на указанную теоретическую базу философских и научных работ, посвященных проблеме сознания. Они используются для работы с анализируемыми текстами, а именно для определения того, рассматривается в данных текстах сознание как простой или как сложный объект, а также для оценки содержания этих понятий.

Кроме того, нами применялся археологический метод М. Фуко – с его помощью, обращаясь к ретроспективе развития проблемы сознания, мы стремились отделить концептуализации сознания как простого объекта исследования от сложного.

Материалом для исследования послужили теории сознания, сложившиеся в рамках нейрокогнитивной науки (Анохин, 2021; Аллахвердов, 2021; Сет, 2023; Франкиш, Горбачев, 2025a; 2025b; Baars, 2005; Chalmers, 1996; Fechner, 1860; Crick, Koch, 1990; Tononi, 2015; Watson, 1913; Wundt, 1874).

Теоретическую базу исследования составили:

- современная философская антропология в рамках школы Б. В. Маркова (1997), опирающаяся на археологический метод М. Фуко (1977) и постулирующая возможности изучения человека в условиях его разнообразных и рассогласованных описаний;
- органология И. В. Мациевского (1983) и В. Н. Мараева (2022) как философско-антропологический подход к изучению музыкальных инструментов, предполагающий многоуровневое и многоаспектное системное рассмотрение сложного объекта изучения (в данном случае музыкальных инструментов) в условиях рассогласования дискурсов.

Проблема сознания в настоящий момент – это удел не только исключительно философского исследования, возможного, как минимум, в рамках двух философских традиций – аналитической и континентальной, но и вопрос, интересующий ученых различных направлений, начиная от физики и математики и заканчивая современным междисциплинарным конгломератом наук, сводящим субъективный опыт к информационным процессам, – нейрокогнитивной наукой. Все эти области знания породили огромное количество разнообразных теорий сознания, внутри которых сознание рассматривается совершенно различно – от когнитивной иллюзии (Франкиш, Горбачев, 2025a; 2025b) до физического процесса, который либо возможно (Tononi, 2015), либо нельзя представить через вычисления. Можно сказать, что само наличие такого многообразия подходов к сознанию показывает отсутствие консенсуса как в общей философской концептуализации или в едином для исследуемой области научном языке.

Причем последнее дополняется тем, что сознание оказывается одновременно наиболее ясным и очевидным для его обладателя, но при этом максимально таинственным, а потому трудным для исследования (Аллахвердов, 2021, с. 161). Подобная очевидность лишает исследователей возможности дать сознанию остенсивное определение – указать на предмет обсуждения – и служит еще одним препятствием на пути к тому, чтобы договориться.

Если изучать сознание настолько трудно, вне зависимости от того, находимся ли мы в русле конкретной научной или философской области или занимаемся междисциплинарными исследованиями, то возникает вопрос о подходе к исследованию сознания, который потенциально мог преодолеть существующие ограничения и противоречия. В рамках настоящей статьи мы попробуем проанализировать, каким может быть такой потенциально успешный подход к исследованию сознания и на какие идеи он будет опираться.

Практическая значимость данного исследования заключается в возможности разрабатывать на базе его материалов учебные курсы, экспертные рекомендации, учебную и учебно-методическую литературу. Кроме того, полученные результаты – взгляд на сознание не только как на сложную систему, но сложную систему, не имеющую одного принципиально верного описания, – становятся основой для нового подхода к изучению сознания – континентальной философии сознания, разработка которой потенциально может привести к появлению таких знаний о сознании, которые могут стать источником прикладных решений в психологии и медицине.

Обсуждение и результаты

Объект исследования: простой или сложный?

Для начала попробуем определиться с тем, как концептуализировать сознание в качестве простого или сложного объекта исследования. Сама возможность концептуализировать объект исследования как простой начинается с античной философии (Спиркин, 1998), развивается в Средние века и эпоху Возрождения в виде полного соответствия между законами природы и грамматики (Фуко, 1977) и реализуется в виде классического типа научной рациональности с ее исходным допущением о том, что части изоморфны целому (Степин, 2013).

Подобный взгляд находил отражение в рамках позитивной философии О. Конта (2003) – научное или позитивное знание мыслилось в виде устойчивых универсальных законов связи между явлениями, доступными только лишь чувственному познанию. С учетом изложенного создатели науки о сознании вынуждены были рассуждать о нем как о простом объекте, имеющем конкретные эмпирические проявления: это можно увидеть и в психофизике Г. Фехнера в виде основного психофизического закона (Fechner, 1860), и в физиологической психологии В. Вундта с его предположением о соответствии активации нервных путей и головного мозга элементарным ощущениям и эмоциям (Wundt, 1874), и в классическом бихевиоризме Дж. Уотсона в качестве взаимно однозначных связей между элементарными стимулами и реакциями (Watson, 1913).

Однако последующее развитие этих подходов неизменно указывало на ограничения исходных допущений, приводило к большому количеству уточнений, после которых данные подходы к сознанию уже нельзя было назвать простыми. По этой причине современная психофизика опирается уже на более сложные математические модели, такие как модели внешнего и внутреннего шума (Aihara, Kitajo, Nozaki et al., 2010), а вундтовскую психологию и классический бихевиоризм вскоре сменил необихевиоризм с его понятием промежуточной переменной, а необихевиоризм был сменен нейрокогнитивной наукой, предложившей

в качестве такой промежуточной переменной сложные математические процессы в головном мозгу (Costall, 2006). Тем не менее даже сейчас находятся исследователи, которые также стремятся дать сознанию простое объяснение, отождествляя его с рабочей памятью (Crick, Koch, 1990) или с механизмом проверки познавательных гипотез (Аллахвердов, 2021).

Если же говорить о рассмотрении сознания как сложного объекта исследования, не сводимого к своим отдельным простым частям, то следует отметить, что в целом концептуализация изучаемого в качестве сложного объекта стала возможной благодаря появлению теории информации и кибернетики в 40-е гг. XX века, сделав возможным отождествление познавательных процессов и процессов переработки информации. Применительно к сознанию такой подход породил нейрокогнитивные теории, в рамках которых оно было концептуализировано как сложная система либо с опорой на сложность мозгового субстрата, либо с опорой на сложность структур самого опыта как специфического вида информации (Анохин, 2021; Baars, 2005; Tononi, 2015).

При таком подходе сознание на уровне собственной феноменальной структуры, мозговых коррелятов, а также функций рассматривается как нечто, превосходящее совокупность своих частей. Иными словами, для изучения сознания недостаточно брать какой-то отдельный его компонент, необходимо учитывать элементы и взаимосвязи между ними, и, более того, изменение отношений между элементами во времени. Однако открытым здесь остается более фундаментальный вопрос – трудная проблема сознания – вопрос о том, как именно в сложной структуре головного мозга возникает феноменальное содержание (Chalmers, 1996).

При этом можно увидеть в такой постановке проблемы сознания вопрос о несовместимости дискурсов (Мусс, 2024), а это, в свою очередь, позволяет обратить внимание на то, как еще поменяла философию и науку возможность изучения сложного. Так, помимо возникновения и развития нейрокогнитивной науки, развитие заложенных теорией информации и кибернетикой идей и методов трансформировало лингвистику, сделав возможным структурный анализ текстов. Успехи лингвистики же, в свою очередь, способствовали появлению структурной антропологии К. Леви-Стросса (1985).

Предложенное им рассмотрение структур верований, обычаев, ритуалов, поселений, родства у представителей различных культур было усвоено современной философской антропологией как областью, которая одновременно анализирует многочисленные дискурсы о человеке как способы его концептуализации и определения ключевых характеристик (Марков, 1997).

Именно по этой причине мы будем рассматривать сознание как сложный объект через призму философской антропологии, учитывая в том числе то, как концептуализировалась сложность сознания, например в рамках нейрокогнитивной науки.

Музыкальный инструмент как пример сложного объекта в философской антропологии

Помимо унаследованных от других областей антропологического знания способов концептуализации сложного, философская антропология включила в себя изучение различных сложных объектов, когда-либо создаваемых людьми. Наиболее ярко концептуализация сложного проявляет себя на стыке философской антропологии и органологии – области, посвященной изучению музыкальных инструментов, поскольку здесь происходит не только столкновение обывательского и академического, но также столкновение разных академических дискурсов, что напоминает описанную выше ситуацию с изучением сознания.

Музыкальные инструменты не могут рассматриваться в рамках системно-этнофонического метода (Мациевский, 1983) иначе как сложный объект. Дело в том, что взгляд на подобный объект исследования как на простую совокупность элементарных признаков влечет за собой возврат к наиболее ранним формам антропологического знания – к эволюционизму (Боас, 1926), который, однако, остается востребованным в среде инструментоведов с академическим музыкальным образованием. При эволюционистском подходе часто проводится параллель между объектами биологического и гуманитарного знания, а принципы развития музыкальных инструментов без учета исторических, экономических и социокультурных факторов превращаются в аналог эволюционной борьбы за выживание и естественный отбор (Мараев, 2012; Мараев, Ларионов, 2021).

Проблема, однако, в том, что такой способ рассмотрения не позволяет объяснить разнообразия музыкальных инструментов и приводит к появлению гипотез о промежуточных звеньях между музыкальными и иными инструментами, которые не могли существовать ввиду отсутствия реальной функциональности. Иными словами, в отличие от развития живой природы, в основе которой лежат принципы, наиболее общие и независимые от индивидуальной особи и обладания ею сознанием и разумом, музыкальные инструменты, являясь частью человеческой культуры, оказываются зависимы от индивидуальных волей и разумов множества людей, которые эти инструменты строят, используют, продают, покупают, находят и изучают.

По этой причине вслед за структуралистами современная органология принимает важное исходное допущение, которое делает невозможным грубый эволюционизм антропологии XIX века: «...топор <...> никогда не порождает другой топор» (Леви-Стросс, 1985, с. 10-11). Итак, музыкальный инструмент – сложный объект, включенный во множество социальных, экономических и даже политических отношений. Причем бытование каждого такого орудия может состоять из множества обстоятельств, начиная с того, когда, из чего и для чего было сделано то или иное орудие, и заканчивая тем, кем и для чего оно применялось. Если же мы говорим о музыкальном инструменте как об археологическом и впоследствии историческом источнике, то, помимо указанных вопросов, вопросов атрибуции, может возникнуть, например, вопрос о том, как этот инструмент повлиял на время, в которое он был обнаружен исследователями (Клейн, 1978).

Показательными здесь является случай авторского балтийского псалтериума, описанного в опубликованной в конце XIX века монографии А. С. Фаминцына (1890). Представленный в монографии инструмент был атрибутирован изучающим его специалистом в качестве образца народного инструмента. Наряду с этим на основании подобного изучения только одного объекта были сделаны выводы о большой совокупности инструментов такого типа. Более того, они до сих пор используются в отечественной органологии (Мараев, 2022).

В итоге изучение музыкальных инструментов в рамках современной органологии – это и изучение сложных объектов, которые не только являются материальными объектами, но и объектами материальной культуры, оказывающимися под влиянием и влияющими на жизнь людей в определенных культурно-исторических контекстах. Важно отметить, что эти контексты могут не только быть несогласующимися, но напрямую конфликтующими друг с другом, как это было показано на примере выше, когда авторский инструмент оказывается в своей новой интерпретации частью исследуемой и возрождаемой традиции в том виде, в котором ее понимают заинтересованные специалисты в противовес тем, кто сохраняет критическое отношение к изучаемому материалу и характеру его изучения.

Заключение

Очевидно, что сознание как (индивидуальный) субъективный опыт и музыкальные инструменты объединяемы в рамках данного текста не только относительно человека – как внутренний мир человека и нечто из того, что он способен создать. И то, и другое в рамках философского, а точнее, философско-антропологического исследования, может быть концептуализировано как сложный объект. А это значит, что, исследуя один из таких объектов – сознание, мы можем опираться на подходы, показавшие свою эффективность при исследовании другого сложного объекта – музыкального инструмента.

Здесь важно подчеркнуть, что концептуализация объекта исследования как сложного объекта дает возможность рассуждать о сознании за пределами возможностей мыслителей и исследователей атомистического толка. А пример органологии позволяет расширить подход к сознанию как к сложному объекту за пределы нейрокогнитивной науки с ее сложными математическими моделями переработки информации в мозгу.

Кроме значимой для философского знания возможности не следовать за мейнстримом, опыт современной органологии показывает, что не всегда существует возможность объять изучаемый сложный объект целиком – как в случае с балтийским псалтериумом, когда перед исследователем оказывается всего лишь один инструмент. В отношении сознания здесь возникает определенная двойственность: наше собственное индивидуальное сознание – сложный единичный объект, но сознание вообще или сознание человека – это то, что относится ко множеству уже не живых и еще не рожденных его носителей.

Кроме подобной недостаточности и неполноты в отношении охвата объекта исследования, опыт органологии может научить философов сознания тому, что не всегда разнородные взгляды на сложный объект изучения получается совместить одним единственно правильным способом: такие взгляды могут частично рассогласовываться, при этом не всегда может быть сама возможность единой теоретической рамки. Здесь примером может быть как сама современная философская антропология, какой ее видел Б. В. Марков (1997), так и органология, поскольку сложившиеся системы взглядов на музыкальные инструменты, в частности эволюционистский и системно-этнофонический, принципиально не согласуются, тогда как в рамках обоих подходов исследователь может получать важные для своей работы сведения.

В этом случае работать с такой рассогласованностью помогает изучение того, как менялась концептуализация объекта исследования с течением времени, как и почему в академической среде и за ее пределами формировались различные подходы и взгляды на него. Поиск внешних и внутренних по отношению к развитию изучаемого объекта исследования факторов делает возможным реконструкцию тех оснований, на которых формировались такие подходы. В частности, опыт органологии позволяет увидеть социальные, политические и экономические факторы, повлиявшие на сложившиеся способы изучения музыкальных инструментов (Мараев, 2012; 2022; Мараев, Ларионов, 2021).

В этом смысле музыкальный инструмент как один из множества предметов, создаваемых человеком, – сложный объект неоднозначного бытования, объект единичный и одновременно множество объектов, в существовании которого в контексте культурного разнообразия и взаимодействия переплетаются прошлое, настоящее и интерпретация прошлого в настоящем, указывает на особенности человека, его сотворившего, – одновременно на философский концепт и конкретного автора, и в том числе на обладателя сознания.

В свою очередь, если мы говорим об исследованиях сознания, то опыт изучения музыкальных инструментов позволяет сделать следующее. В отличие от мейнстрима нейрокогнитивной науки, для которой сознание как сложный объект концептуализируется только в терминах системного подхода – в качестве нейрофизиологической или информационной системы, развиваемый нами подход, принимая исходную сложность сознания с точки зрения структуры его содержания, подчеркивает принципиальную неполноту и несовместимость различных способов концептуализации сознания. Его самоочевидность и вместе с тем невозможность прямо указать на него как на объект субъективного опыта не дает возможность найти среди множества способов изучения сознания единственно правильный.

Более того, поскольку каждый способ изучения подразумевает определенный способ разговора о сознании, дискурс, то междисциплинарное многоголосие лишь подчеркивает такую рассогласованность дискурсов,

когда при их несовпадении в целом могут быть обнаружены принципиально общие элементы. При этом констатация такой частичной несовместимости дискурсов – это не максима данного подхода: проблема сравнения между различными описаниями сознания и его свойств требует своего разрешения. Его возможность связана с характерным для философской антропологии и органоэлогии вниманием к меняющимся контекстам – многообразие дискурсов о сознании имеет конкретную историю своего возникновения. Изучение того, как развивались способы концептуализации и изучения сознания, чтобы выявить влияющие факторы и оценить взаимосвязи между такими дискурсами, – та возможность, ставшая доступной благодаря нашему исследованию. Этот подход, развиваемый на базе философской антропологии и ее отраслей, можно назвать континентальной философией сознания.

Перспективой дальнейшего исследования становятся разработка и дополнение континентальной философии сознания как подхода к изучению сознания в качестве сложного объекта исследования, опирающегося на философскую антропологию и органоэологию.

Источники | References

1. Аллахвердов В. М. Собрание сочинений: в 7 т. СПб.: Владимир Даль, 2021. Т. 7.
2. Анохин К. В. Нейронные гиперсети: организующий принцип высших функций мозга // Первый Национальный конгресс по когнитивным исследованиям, искусственному интеллекту и нейроинформатике. Девятая международная конференция по когнитивной науке: сборник научных трудов: в 2 ч. / отв. ред. В. Л. Ушаков, И. И. Русак, В. В. Климов, П. М. Балабан. М., 2021. Ч. 2.
3. Боас Ф. Ум первобытного человека / пер. с англ. А. М. Водена. М. – Л.: ГИЗ, 1926.
4. Клейн Л. С. Археологические источники. Л.: ЛГУ, 1978.
5. Конт О. Дух позитивной философии. Ростов н/Д: Феникс, 2003.
6. Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с франц. под ред. и с прим. В. В. Иванова М.: Наука, 1985.
7. Мараев В. Н. Академическая мифология XIX века и современное инструментоведение // Ессе Номо. 2022. Т. 4. № 2.
8. Мараев В. Н. Эргологический аспект изучения традиционных хордофонов (на примере кантелевидных инструментов). М.: Открытый текст, 2012.
9. Мараев В. Н., Ларионов И.Ю. Онтологические/эпистемологические аспекты критики типологии в археологии // Ессе Номо. 2021. Т. 1. № 1.
10. Марков Б. В. Философская антропология: очерки истории и теории. СПб.: Лань, 1997.
11. Мациевский И. В. Формирование системно-этнофонического метода в органоэлогии // Методы изучения фольклора: сб. науч. тр. / отв. ред. В. Е. Гусев. Л.: ЛГИТМиК, 1983.
12. Мусс А. И. Феноменальное сознание: за гранью феноменологии и сознания // Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире: сборник научных статей IV Конгресса Русского общества истории и философии науки. М.: Русское общество истории и философии науки, 2024.
13. Сет А. Быть собой: новая теория сознания / пер. М. Девятовой. М.: Альпина нон-фикшн, 2023.
14. Спиркин А. Г. Философия: учебник. М.: Гардарики, 1998.
15. Степин В. С. Особенности научного познания и критерии типов научной рациональности // Epistemology & Philosophy of Science. 2013. Т. 36. № 2.
16. Фаминцын А. С. Гусли. Русский народный музыкальный инструмент: ист. очерк с многочисл. рис. и нот. примерами. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1890.
17. Франкиш К., Горбачев М. Д. Иллюзионизм как теория сознания. Часть I // Вопросы философии. 2025a. № 3.
18. Франкиш К., Горбачев М. Д. Иллюзионизм как теория сознания. Часть II // Вопросы философии. 2025b. № 2.
19. Фуко М. Слова и вещи / пер. с фр. ч. перв. В. П. Визгин, ч. вт. Н. С. Автономнова. М.: Прогресс, 1977.
20. Aihara T., Kitajo K., Nozaki D., Yamamoto Y. How does stochastic resonance work within the human brain? – Psychophysics of internal and external noise // Chemical Physics. 2010. Vol. 375. № 2-3. <https://doi.org/10.1016/j.chemphys.2010.04.027>
21. Baars B. J. Global workspace theory of consciousness: toward a cognitive neuroscience of human experience // Progress in Brain Research. 2005. Vol. 150. [https://doi.org/10.1016/S0079-6123\(05\)50004-9](https://doi.org/10.1016/S0079-6123(05)50004-9)
22. Chalmers D. J. The Conscious Mind: In Search of a Theory of Conscious Experience. N. Y.: Oxford University Press, 1996.
23. Costall A. “Introspectionism” and the mythical origins of scientific psychology // Consciousness and Cognition. 2006. Vol. 15. № 4. <https://doi.org/10.1016/j.concog.2006.09.008>
24. Crick F., Koch C. Towards a neurobiological theory of consciousness // Seminars in the Neurosciences. 1990. Vol. 2.
25. Fechner G. Elemente der Psychophysik. Leipzig: Druck und Verlag von Breitkopf und Härtel, 1860.
26. Tononi G. Integrated information theory // Scholarpedia. 2015. Vol. 10. № 1.
27. Watson J. B. Psychology as the behaviorist views it // Psychological Review. 1913. Vol. 20. № 2. <https://doi.org/10.1037/h0074428>
28. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Verlag von Wilhelm Engelmann, 1874.

Информация об авторах | Author information**RU****Мусс Александр Игоревич**¹, к. филос. н.**Мараев Владимир Николаевич**², к. филос. н.^{1, 2} Санкт-Петербургский государственный университет**EN****Alexander Igorevich Muss**¹, PhD**Vladimir Nikolaevich Maraev**², PhD^{1, 2} St. Petersburg State University¹ albertwanderer@gmail.com, ² v-maraev@yandex.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 18.08.2026; опубликовано online (published online): 18.09.2026.

Ключевые слова (keywords): сознание как субъективный опыт; теории сознания; органология; континентальная философия сознания; нейрокогнитивная наука; сложный объект; рассогласованность дискурсов; consciousness as phenomenal experience; theories of consciousness; organology; continental philosophy of mind; neurocognitive science; complex object; discourse inconsistency.